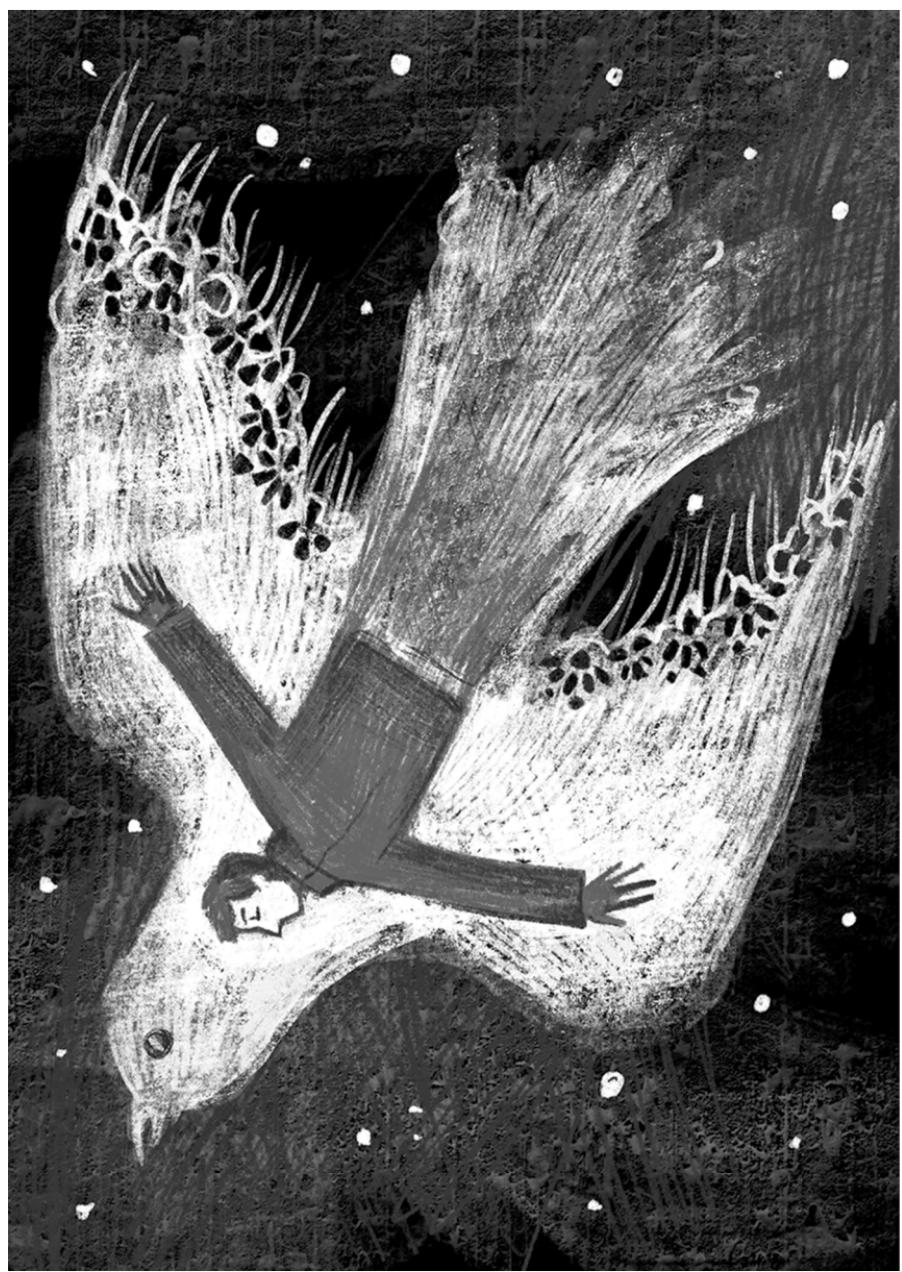

СОДЕРЖАНИЕ

МОТЫЛЕК	7
ДВА УТРА	17
ЗИМОВКА	31
ЗОНА ПОКОЯ УКОК	41
МАПА РОМА	61
ОНА	71
ДЫМОК	79
СТЫД	109
«МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА»	121
МАЛЬЧИК НА ВЕЛОСИПЕДЕ	133
НЕ КАК В КИНО	149
ПЯТЬ ИСТОРИЙ О ВОРОВСТВЕ	165
1. Как у Володи украдли что-то	167
2. Дыра	169
3. Уле рассказывают историю	172
4. методичка	174
5. четыре с половиной воспоминания	181

РАЗЛУКА С ГРИБНИЦЕЙ	185
СЕКРЕТ ПРО ТОТ СВЕТ	203
БАТ, ШИШИГА, ОКА, ФОТОН, МАГЛЕВ	213
<i>5. Маглев</i>	215
<i>4. Фотон</i>	225
<i>3. Ока</i>	230
<i>2. Шишига</i>	234
<i>1. Бат</i>	239

МОТЫЛЕК

Бабуничка говорила, что перед смертью люди понимают птичий язык. Ефим этому верил, как и многим другим вещам, которые рассказывала ему бабуничка. Прислушивался к чириканью воробьев, боялся знакомого слова.

Бабуничка говорила, что родители Ефима летели в белом самолете и упали в море. Но что люди, упавшие в море, не умирают, а отращивают жабры и живут амфибиями.

Бабуничка пела колыбельную про волчка, который придет и укусит за бочок. Волчок виделся Ефиму в бегущей по потолку тени или волчий вой слышался ветре. Тогда бабуничка стала оставлять под кроватью блюдце с молоком и сухарики. И Ефим успокаивался.

У бабунички был дом, закрытый ивой, и крыша у дома была голубая. На деревню Малые Крючки всего двадцать домов, а с голубой крышей только один. Ефим часто залезал на эту крышу, и все ладо-

ни были потом в голубых точках. Он ложился, раскинув руки в стороны, и обдумывал, как бы сделать крылья.

С крыши дома бабуничка прыгать Ефиму не разрешала, слишком высоко. Поэтому Ефим мастерил крылья и прыгал с крышки компостного ящика, а напрыгавшись с ящика — прыгал с качелей, привязанных к ветке ивы. Размахивал конструкцией из перьев и палочек или растянутым бабуничкиным цветастым платком, но все без толку.

В Малых Крючках школы не было, поэтому Ефим ходил в соседнюю деревню, в Большие Крючки. Там помимо школы пятьдесят два дома, а еще рынок, церковь, банк и клуб.

Идти было недалеко и приятно. Зимой на лыжах, а летом пешком, через колючие колоски. В Больших Крючках Ефим мог купить что-нибудь на рынке, а еще раз в месяц заходил в банк, чтобы снять бабуничкину пенсию и свое пособие. Сама бабуничка Большие Крючки недолюбливала за суету. Да и вообще говорила, что деньги не так важны, как хозяйство. А чтобы все было в порядке с хозяйством, бабуничка держала под скатертью заговоренные рожь и пшеницу.

Взрослел Ефим быстро. Молоко из блюдца под кроватью пил сам, если ночью становилось голодно. На крышу залезал теперь, только когда читал или фантазировал. На качелях качался для удовольствия, не спрыгивая. И со временем начал замечать, что ветка ивы, на которой держались качели, стала скрипеть и осыпаться голубоватой выцветшей пlesenью.

Одним вечером бабуничка, сидя на скамейке, лечила руку. Рука была как неживая, землистого цвета и чуть меньшего размера, чем нужно. Бабуничка прикладывала к ней раздавленные ягоды барбариса, чтобы очистить кровь и вернуть коже розовый цвет.

Услышав хруст в ивовой ветке, подошла ближе и, наклонив голову, задумалась. Ефим раскачивался и лузгал семечки. Ветка кряхтела, птичка на верхушке неразборчиво щебетала, а где-то далеко, в вечернем тумане, кричала на ленивого мужа злая Люда.

— Ива уже старая, — сказала бабуничка, — следай, Ефимка.

За ужином бабуничка о чем-то думала, спрятавшись за самоваром. Ефим крутил головой, но видел только самого себя в золотом отражении и бабуничкины руки. Неживая рука была завернута в тряпочку.

В молчании есть не хотелось, еда становилась безвкусной. Ефим вымыл посуду, почистил зубы и улегся в кровать.

Перед сном бабуничка села к Ефиму в ноги и откашлялась, будто бы собралась громко петь.

— Нам надо подготовиться к моей смерти, — сказала она вместо пения.

Ефим спрятал голову под подушку.

— Я столько лет живу, что смерти не боюсь. И ты не бойся. Надо только, чтобы ты был в Малых Крючках, а не в детском доме. Плохо там, в детском доме.

Ефим перевернулся набок, уперся лбом в шерша-
вое дерево и закусил край одеяла. Бабуничка встала
с кровати, и все затихло, слышно было только, как за
стеной шебуршат мыши.

На следующий день они пошли в Большие Крючки
вместе: Ефим в школу, а бабуничка на рынок, чтобы
продать трех коз. Ефиму было жалко коз, бывают
козы кусачие, а эти были ласковые, как котята.

Еще через день бабуничка продала кур и кроли-
ков. Цесарок оставили, чтобы те шумели на чужаков
вместо собак. Ефим блуждал вдоль пустых загонов,
думая о том, что после лета наступает осень.

Все деньги отнесли в банк и положили на книж-
ку Ефима. Там же бабуничка подписала свое завеща-
ние, и подпись у нее была буквой А. Согласно заве-
щанию, все уходило внуку. Ефим завещание читать
отказался, сидел на банковском неудобном стуле
и гонял в голове мысли, выискивая ту, которая мог-
ла бы его успокоить. Быстро нашел: бабуничка готов-
ится к плохому, но проживет еще много лет.

Однако вечером бабуничка вытащила из сунду-
ка потертый кожаный саквояж и стала складывать
в него вещи. Левой рукой она уже почти не двигала,
приложила ее к животу, как умершую.

- Ты куда? — заволновался Ефим.
- Умирать ухожу.
- Почему не дома?
- Дом для живых. Когда дома кто-то болеет —
плохо.
- А если ошибаешься?

— Ты меня послушай, Ефим. Окончи девять классов и уезжай. Осень тебе переждать и зиму. Готовься к поступлению в училище, а там уже будешь взрослый.

— Зря всё продали.

— Не зря.

— Денег все равно мало.

— А пенсия моя на что?

— Так разве же это честно?

— Честно, нечестно — все ерунда, — сказала бабуничка, — я хочу, чтобы ты, Ефимка, выучился в большом городе, в Глюклихе. Лучше, чем в Глюклихе, нигде не учат.

Ефим топнул ногой, выбежал во двор и залез на крышу. Бабуничка вышла тоже, подошла ближе и продолжила говорить то ли с домом, то ли с Ефимом:

— Ты молодой, а я старая. Ты смерти не боишься по незнанию, а я ее не боюсь, потому что все уже про нее поняла. Надо делать то, что нужно, и не кукситься. Соседям я скажу, что уехала лечиться.

Зашелестела ива, бабуничка вернулась в дом. Ефим лежал на крыше и, чтобы отвлечь себя от грусти, стал считать звезды, но так и уснул. Наутро вроде бы слышал, как скрипнула дверь, но не проснулся. А когда проснулся — остался совсем один.

В Малых Крючках Ефиму сочувствовали. Ему же хотелось, чтобы его не видели. В любом общении Ефим ощущал, что люди вокруг маленькие, что даже взрослые — маленькие, а он один — взрослый.

Больше прочих волновалася Ефима злая Люда. Один раз он даже видел, как она смотрит в его окно.

Водит носом, вращает круглыми глазищами на бледном лице.

А позже злая Люда показалась в Больших Крючках, когда Ефим снимал бабуничкину пенсию. Сказала, что дольше, чем три месяца, в больнице не держат.

— А если все еще болеют? — спросил Ефим, глядя в сторону.

— Если долго болеют — значит, дело к умиранию. Тогда домой отправляют, чтобы не замараться.

— Я завтра поеду в больницу и все узнаю, — сорвал Ефим.

Когда вернулся домой — увидел сломанную ветром ветку ивы, обездвиженные сброшенные качели. Ефим разозлился, распилил ветку на дрова и раскочегарил печку.

Всю следующую неделю Ефим кружил по лесу, собирая в карманы замерзшие грибы и думал, что делать. Считал в уме отложенные деньги: хватит ли по весне на билет до Глюклихи, чтобы сдать экзамен в училище. Какое училище? Лучше летное.

Подумав о хорошем — падал, думал о плохом. Было ясно, что злая Люда никуда не денется, так и будет его доставать. Ефим перебирал идеи, как поступить, и, увидев белого зайца на фоне первого снега, наконец придумал.

Вернувшись домой, он прошел в бабуничкину комнату, открыл ее сундук с оставшимися вещами. Одежды там было много, и вся пахла живой бабуничкой. Горячим чаем, блинами, кислой сметаной.

На следующий день после школы Ефим включил во всех комнатах свет и оделся в бабуничкину одежду. Завязал тот самый платок, с которым учился летать, надел юбку в пол и вязаную кофту с заштопанными на рукавах дырочками. Больную руку замотал в тряпку и старался ею не шевелить. Ссугуливвшись, стал медленно хромать по дому.

Отдыхал в тех окнах, которые прятала от соседей ива. Когда через полчаса зашумели цесарки, а мимо окна прошелестела тень — успокоился. Выключил свет, разделся и уснул.

Наутро, впервые с лета, открыл в бабуничкиной комнате шторы. Взял тыкву, завернул ее в платок и уложил на подушку, рыхим к стенке. Под одеяло спрятал бабуничкины вещи, а сам пошел в школу.

— Баба вернулась, — сказал он ленивому мужу злой Люды, покачивающемуся на пути в Большие Крючки.

Муж выглядел плохо. Нос как перезрелая влажная слива, а глаза печальные.

— Мы уже видали, — ответил тот. На шее у него висел бинокль.

Так Ефим дотянул до конца весны. Ходил вдоль окон то собой, то бабуничкой. В мае пошел на станцию и купил билет до Глюклихи. Потом в магазине набрал разных продуктов на ужин: слоеный язычок, быстрозавариваемую вермишель и консервы.

Дорога домой темная, вдоль кружевной тени леса. Слышно то уханье совы, то шорох листьев, то чье-то нашептывание. Подходя к Малым Крючкам, Ефим

увидел, как в майской черной ночи тянется в небо свет от полицейской мигалки.

Он остановился. Стал перебирать все плохое, что могло случиться. Нашли тело. Злая Люда влезла в дом и увидела, что в кровати спит тыква. Теперь его отправят в тюрьму, а ему там, видимо, самое место. Из тюрьмы выйдет пустым стариком: ни образования, ни дома, ни семьи.

Ефим снова пошел вперед, хотя ноги дрожали, а страх сменился жалостью. Он чувствовал себя преступником, который не сделал ничего дурного, но не заслуживает пощады.

Над домом большой тенью возвышалась ива, закрывала дом почти полностью. Всюду летали черные точки майских жуков. Но машины стояли будто бы поодаль, а где-то справа чернильной кляксой теснились громкие люди. Ефим подошел к людям и, занизив для чего-то голос, спросил, что произошло.

— Привет, Ефимка. Людка побила мужа, а тот побил Людку, — сказала соседка, не отводя взгляда от снуящих и гоносящих людей. — Ору было до самой Глюклихи.

— Понятно, — ответил Ефим и юркнул домой.

Дома спрятал билет подальше, поставил чайник. Домашние звуки казались ему громче тех, что были на улице. Тикали часы, шумела вода, мотылек бился крыльшками о лампу. Ефим схватил его аккуратно и выпустил в открытое окно. Мотылек нарисовал круг в воздухе и полетел куда-то высоко.

«На луну летит», — подумал Ефим.

ДВА УТРА